

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

доктора исторических наук, профессора Матвеева Геннадия Филипповича оа диссертации М. А. Мартыненко «Историческая политика Польской Народной Республики в 1981–1989 гг.: трансформация курса» (Ростов-на-Дону, 2024), представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2 – Всеобщая история (исторические науки)

Диссертация М.А. Мартыненко посвящена одному из аспектов системного кризиса модели реального социализма, утвердившейся со второй половины 1950-х гг. в СССР и европейских социалистических странах. Своего апогея кризис достиг в 1980-е гг., наиболее зримо он проявился в Польской Народной Республике в 1980-1989 гг. В центр своего исследования диссертант поставил трансформацию курса исторической политики Польской Народной Республики (с.4). Это достаточно смелое решение, поскольку принято считать, что историческая политика, понимаемая как набор приёмов и методов, с помощью которых находящиеся у власти политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, стремятся утвердить определённые интерпретации исторических событий как доминирующие, стала активно применяться исследователями для описания процессов и практических приёмов в политике посткоммунистических государств Восточной Европы лишь к концу первого десятилетия XXI века. Именно тогда в государствах Восточной Европе сложились необходимые для ее проведения условия: утвердились плюралистические общества, в которых невозможна прямая идеологическая монополия, реализуемая средствами цензуры и административного контроля над профессиональной историографией¹. 1980-е гг. под эти критерии не подходят, плюралистическое общество в ПНР в тот момент еще не сложилось. Видимо, имело место нечто другое, то, что можно отнести к области формирования исторической групповой и социальной памяти.

Определения объекта и предмета практически идентичны. Объект – историческая политика, предмет – процесс трансформации сущностных механизмов исторической политики. Такой формулировкой автор ставит изучаемую проблему в ряд таких самостоятельных проблем кризисного периода, как экономика, политика, идеология. На самом же деле мы имеем дело лишь с одним из аспектов идеологической составляющей структурного кризиса реального социализма. К тому подобная же формулировка объекта исследования ограничивает исследование только не названными механизмами исторической политики, которые диссертант называет сущностными.

Историографический обзор пространен, насчитывает 30 стр. На мой взгляд, он достаточно сумбурен, поскольку деления литературы на зарубежную и отечественную явно

¹ https://ru.ruwiki.ru/wiki/Политика_памяти (дата обращения - 11.11.2024)

недостаточно для понимания того, как развивалась историография вопроса. Столь значительный по объему обзор тем более непонятен в свете предваряющего его авторского обобщения, что «подавляющее большинство работ, имеющих в зарубежной и российской науке по проблеме эволюции мемориального ландшафта Польской Народной Республики, посвящено общим теоретическим вопросам исторической политики как идейно-политического и культурного феноменов, истории развития коммеморативных проектов в Польше». В связи с этим возникает вопрос, что диссертант имеет ввиду под мемориальным ландшафтом (этот термин используется неоднократно, что исключает опечатку). Литература предлагает иной термин – меморативный ландшафт.

При анализе литературы автором сделано несколько заявлений, с которыми трудно согласиться. Так, на с. 22-23 он пишет: «Становление российской исторической науки в 1990-е гг. хотя и предполагало появление новых методологических ориентиров, однако отказ от марксистско-ленинских догматов происходил постепенно, замедляя проникновение передовых теорий и подходов в российскую историографию». Естественен вопрос, что это за передовые теории и подходы, которые могли вдохнуть новую жизнь в российскую историческую науку? Ответа на него автор не дает. Совершенно безосновательно утверждение, что О. Кормилец и О. Обожды обращались к исторической политике польского правительства. Есть и другие неточности, «проклятые солдаты» и участника Варшавского восстания не одно и то же.

Целью диссертации определен комплексный анализ процесса трансформации исторической политики Польской Народной Республики в 1981–1989 гг. (с.36). Исследовательская программа диссертанта повторяет структуру квалификационной работы. Хронологические рамки работы автор определяет промежутком времени между введением военного положения 13 декабря 1981 и завершением работы круглого стола представителей власти и оппозиции в 1989 г.

В работе использован трехчленный понятийный аппарат, включающий в себя: 1) историческую политику, 2) коллективную память, 3) коммеморацию. Представляется, что одной дефиниции этих понятий без их привязки к определенному времени (о чем было сказано в начале отзыва) и конкретным социальным группам и обществу в целом, недостаточно для более точного понимания адресатов коммеморативных практик как государственных властей, так и оппозиции.

Источниковая база работы достаточно разнообразна, но явно недостаточна. Не использованы источники, способные дать реальное представление о том, насколько полно противоборствующими сторонами были проработаны их коммеморативные проекты, как они сталкивались друг с другом и насколько широким и глубоким было воздействие на польское общество их установок, призывов, исторических нарративов, как они трансформировались. Представляется, что подлинную картину борьбы за формирование

исторической памяти польского общества можно воссоздать только путем сплошного, а не выборочного, как это сделано в диссертации, использования такого важного источника, как периодическая печать. Из обзора источников не видно, какие из них используются в историографии впервые (с. 49 и др.). Что касается визуальных источников, типа фотографии Валенсы со значком Богородицы в лацкане пиджака, то они оживляют работу, но уровня ее научности не повышают.

Из оглавления работы следует, что автор намеревался построить ее по хронологическому принципу. Будь он последователен, работа получилась бы достаточно стройной и логичной. Однако этот принцип автором не выдержан, материал излагается непоследовательно, можно сказать хаотично, а без этого нельзя проследить трансформацию политики памяти.

Основная часть диссертации состоит из 3 глав и 6 параграфов. Первая глава «Идеологические и институциональные основания курса исторической политики ПНР в первой половине 1980-х гг.» начинается параграфом «Теоретическое осмысление и выработка курса исторической политики в условиях государственного кризиса 1981 г.». Как и обещано во введении, повествование начинается с введения в Польшу военного положения. И тут же автором делаются две ошибки: Заявление В. Ярузельский об этом транслировалось в 6 часов утра 13, а не в ночь с 12 на 13 декабря (с.63, 84), и вводился не «чрезвычайный режим военного положения» (с.63), как в тексте, а военное положение, как это и предусматривала конституция ПНР.

Говоря об обращении Ярузельского к нации, М.А. Мартыненко истинные мотивы *постоянного* апеллирования генерала к польской истории (дважды использовал слово история) объясняет не его тревогой за судьбы страны и народа, а «реальной угрозой для его правления, которая заключалась не только в перманентном ухудшении социально-экономического положения государства, но и в стремительном падении престижа действующей власти». Получается, что Ярузельский, вводя военное положение, руководствовался не общественным, а личным интересом. Мартыненко убежден, что реальной угрозы вмешательства СССР в польский кризис в 1981 г. не существовало. Но в работах И.С. Яжборовской и А. Пачковского, на которые ссылается Мартыненко, однозначного вывода на этот счет нет. Более того, Яжборовская пишет, что предназначенные для ввода в Польшу советские части находились в готовности до середины 1982 г.

Знакомство с текстом работы показывает, что трансформацию невозможно понять без представления об исходном состоянии исторической памяти в ПНР к началу кризиса. Нужно было бы уже в этом параграфе рассказать о государственных праздниках, процедурах их отмечаении и обязательно о существовавшей в ПНР до 1980 г. системе формирования желательной для властей исторической памяти. Хотя бы о соответствующих

отделах ЦК ПОРП, Главпуре Войска Польского, министерстве культуры, которые и вели эту работу.

Вместо этого диссертант ограничился поверхностной смысловой интерпретацией высказываний, содержащих слово история и производные от него, делавшихся активистами неформальных групп, возникших в рамках ПОРП после августа 1980 г.: Катовицкого партийного форума (профессор В. Волчев) и движения горизонтальных структур (С. Братковский), а также некоторых заметных в обществе людей. Причем нередко эти высказывания были сделаны до 1980 г. Например, разбираемые работы С. Братковского вышли в 1978 г., а труд Волчева в 1980 г. Почему ортодоксальное крыло ПОРП — это только Катовицкий форум, ведь аналогичные группы существовали в тот момент в Познани, Щецине, Варшаве. Но они в работе даже не упомянуты.

Поверхностность анализа различных высказываний показывает, например, такая цитата: «К. Модзелевский и другие идеологи НСП «Солидарность» выступали за включение польской истории в мировой контекст, но в отличном от «горизонтальных структур» семантическом наполнении. Поскольку это можно было осуществить лишь посредством конкретных политических практик и международного взаимодействия, члены профсоюза использовали имеющиеся рычаги для продвижения этого дискурса. Так, во время выборов ректора Силезского университета в мае 1981 г., оппозиционные власти академическое сообщество выступало «за нового ректора», который должен был бы, помимо «безвозвратного уничтожения коррупции», «поднять авторитет польской науки в мире». Включение науки социалистического государства в «мировой контекст» являлось одним из индикаторов начала осмысления исторических нарративов на новых основаниях. До этого периода «социалистическая наука» в ПНР считалась самой прогрессивной в мире, а партийная пропаганда делала все, чтобы представить это польскому обществу» (с. 75-76). И все сказанное базируется на одном материале университетской многотиражки.

Аналогичный прием «анализа» встречается в работе чуть ли не на каждой странице. То есть диссертант подменил научное исследование, как того требует жанр диссертации, нарративом, который, как известно, не предусматривает проведения научного исследования с использованием не единичных примеров, а достаточной совокупности свидетельств, показывающих массовость того или иного явления, настроения и т.д.

В соответствии с жанром нарратива, подобные единичные высказывания объявляются Мартыненко структурно схожими, но семантически противоположными взглядами на национальную историю и эвристические возможности ее использования в исторической политике. Неубедительность возводимой им конструкции исторической политики он пытается оправдать тем, что обозначенные им «подходы к историческим нарративам не представляли из себя формализованных концепций исторической политики, поскольку государство в этот период находилось лишь на этапе осмысления необходимости

использования истории в политической деятельности» (с.80-81). Это весьма неуклюжее объяснение, поскольку руководство ПНР прекрасно понимало важность истории как инструмента воздействия на общество в нужном ему духе. Иначе зачем бы существовал сектор истории в отделе науки ЦК ПОРП.

Заключительные 13 стр. параграфа посвящены реконструкции процесса выстраивания курса исторической политики, начавшегося, по словам соискателя, после введения военного положения. Монопольную роль в выработке этой политики он приписывает членам Военного совета национального спасения и лично Ярузельскому. Элементами такой политики М.А. Мартыненко называет следующие: 13 декабря 1981 генерал говорил не о партии, а обращался к патриотическим чувствам поляков; выстраивание «идеологической базы военного положения» вокруг фигуры Ярузельского; появление национального тренда в коммеморативной деятельности (памятник жертвам «Вольнской резни» в 1984 г., введение конфедераток для рот почетного караула). Приведено несколько единичных примеров использования властями символического капитала истории. И, пожалуй, все, т.е. не настолько много, чтобы говорить о политике как ряде целенаправленных действий для достижения преследуемой цели. Не подкреплено достаточными аргументами и положение о выработке Ярузельским собственной идеологической базы для выстраивания курса исторической политики (с. 93). И самое главное, совершенно ничего не сказано о деятельности подчинявшегося ВСНС Центрального штаба информации и пропаганды, само название которого говорит о его предназначении.

Поскольку углубленное исследование проблемы не проведено, то и выводы получились в жанре нарратива. На основании отдельных высказываний по различным поводам сделан бездоказательный вывод, что «представители различных идейно-политических течений в ПНР внесли существенный вклад в теоретическое осмысление исторической политики в условиях государственного кризиса 1981 г. Исходя из того, что идеологическое обоснование концептуальных основ исторической политики являлось составной частью их мировоззренческих установок, ими, на основе ценностного подхода, были сформулированы принципы отбора исторических нарративов, которые, по их мнению, могли бы вывести государство из кризиса и повысить престиж действующей власти» (с.93). Особенно надумано звучат мысли о теоретическом осмыслении исторической политики и неких исторических нарративах, способных вывести ПНР из кризиса.

Второй параграф главы, посвященный институционализации исторической политики ПНР в 1981–1985 гг., выглядит лучше, в нем больше достоверного фактического материала и меньше не подкрепленных источниками положений общего характера. Но все так же не соблюдена хронология, причем в существенно больших масштабах. Как уже

говорилось выше, именно здесь диссертант попробовал дать картину коммеморативных практик, имевших место в Польше после войны. Мартыненко в самом начале параграфа отказался от анализа деятельности уже упоминавшихся выше центральных структур формирования исторической памяти общества. В центре его внимания оказались лишь исполнительные органы этой системы (Совет по защите памяти, борьбы и мученичества, Союз борцов за свободу и демократию, Общество польско-советской дружбы, государственные музеи), отмечание государственных праздников, появление новых наградных знаков, полноценное возвращение в общественное пространство некоторых довоенных государственных и политических деятелей, а также образованное в марте 1981 г. неформальное Патриотическое объединение «Грюнвальд».

Несмотря на большее присутствие фактического материала, и этот параграф грешит откровенной нарративностью. Это особенно заметно при рассказе о месте традиции Грюнвальда в общественной жизни послевоенной Польши, использовании властями романа Г. Сенкевича «Крестоносцы» с целью, «узаконить их правление, чтобы оно выглядело как историческая необходимость» (последнее утверждение подкреплено ссылкой на публикацию диссертанта, утверждающее, что этот триумфалистский дискурс был навязан СССР в годы войны и что в Польше он так и не прижился). Столь же неубедительны и другие попытки некоторых обобщающих авторских умозаключений. Так, говоря о фильме А. Вайды «Дантон» (1982), он утверждает, что «польскому зрителю было не трудно разглядеть в Дантоне Л. Валенсу, а в диктаторе М. Робеспьере В. Ярузельского, хотя сам Вайда такие аллюзии отрицал (с.108-109). Или такая констатация, касающаяся комиссии Кубяка, которая должна была ответить на вопрос о причинах политических кризисов в ПНР. А Мартыненко утверждает, что «это была одна из многих институций внутри ПОРП, создание которых инициировал В. Ярузельский для реализации курса исторической политики» (с. 109). Правда, на с. 113 диссертант вынужден признать, что деятельность комиссии, «однако, не вышла за рамки формальных обсуждений вопросов, связанных с причинами конфликтов в истории социалистического периода». Там же содержится констатация, что в принятой IX съездом ПОРП программе выхода из кризиса «не нашлось места вопросам, связанным с исторической политикой». Признание автором того, что руководство ПОРП в июле 1981 г. не думало ни о какой исторической политике, обесценивает все его предшествующие нарративные построения.

Вторая глава работы посвящена оформлению и реализации курса исторической политики ПНР в середине 1980-х гг. Она начинается с анализа состояния польской историографии и преподавания истории в средней школе. В центре внимания попытка ПОРП в 1980-е гг. подмять под себя историческое сообщество с помощью руководства Польского исторического общества, возглавляемого в тот момент профессором А. Захорским, который, по словам соискателя, подходил для решения этой задачи идеально:

был лоялен государственной политике и сотрудничал со спецслужбами (с. 135). Говоря о XIII съезде ПИО в 1984 г. (автор почему-то называет его XV), Мартыненко утверждает, что он носил выраженный политический характер, но при этом секционные заседания имели общепринятый научный вид. Пытаясь выйти из этого смыслового тупика, он говорит, что основные лозунги и речи поддержки политической практики и коммеморативных проектов польского правительства звучали на пленарном заседании (с.136). Но авторский анализ приветственной речи Захорского и пленарных докладов Ч. Мадайчика и Х. Самсоновича этого не подтверждает: по словам диссертанта, выступление Захорского носило амбивалентный характер, было абстрактным, лишенным указания на конкретные факты, Ч. Мадайчик, следуя тенденциям развития государственной исторической политики, желал «продемонстрировать, что СССР имел право на послевоенную оккупацию Польши и установление в ней «необходимого режима», и это якобы перекликалось с распространяемым властями в 1980-е гг. историческим нарративом о генезисе Народной Польши» (с.138). И только Самсонович якобы пошел против государственного нарратива, заявив, что в XIX-XV вв. Польша развивалась по схожему с Западной Европой пути, он опроверг уникальность польской истории, тем более особенности ее социалистического развития, артикулируемые в тот момент государством, т.е. он вынес в публичную сферу исторический нарратив, продвигаемый «Солидарностью». То есть мы опять имеем дело не с научным исследованием, а типичным нарративом, не подкрепляемым источниками и их анализом. Нарративна характеристика и следующего, XIV (а не XVI) съезда ПИО в 1989 г., уже после круглого стола. Доминирование на нем диссидентской историографии Мартыненко видит в подчеркивании «тесной связи польской и всеобщей истории». Но ведь польская академическая историография никогда не отрицала такую связь, хотя и не очень увлекалась изучением всеобщей истории.

Не останавливаясь на постраничном разборе сюжета о съездах ПИО, скажу только, что его содержание демонстрирует полное незнание диссертантом что такое ПИО, кем были его члены, имелись ли у Общества реальные возможности принуждения своих членов к определенному поведению, и даже порядковых номеров анализируемых съездов.

Второй сюжет параграфа посвящен разбору учебников истории для лицеев в контексте перемен в изложении советско-германского пакта о ненападении и катынского дела. Он вполне информативен и верно отражает воздействие на смену ракурса общественных настроений. Думается, что этот сюжет выиграл бы, если бы к рассмотрению было привлечено изданное в 1993 г. пособие для 8 класса основной школы «История Польши и мир нашего века с 1939 г.». Кстати, к вопросу об изоляции польской истории. В это время был один учебник по польской и всеобщей истории.

Еще один сюжет –альтернативная историография, которую автор представил тремя именами: К. Керстен, А. Михник и В. Рошковский, из которых только Керстен реально

занималась историей. Михник публицист, Рошковский экономист, политолог и популяризатор истории.

Общий вывод по параграфу: как и предыдущие, базируется не на результатах научного исследования, а на неких обобщениях единичных фактов. Особенно удивляет оценка роли ПИО в сообществе историков: «Институционализация исторической политики в рамках ПИО приводит к контролю государства над академическим сообществом историков, дальнейшая работа которых теперь напрямую зависит от административных и финансовых рычагов, имеющихся в распоряжении польского правительства» (с. 171). Никаких достоверных источников при этом не названо.

Во втором параграфе главы говорится о влиянии католической церкви на некие коммеморативные проекты польского правительства. Сюжет этот достаточно известен в историографии, как и то, что церковная иерархия по объективным причинам во время кризиса избрала для себя роль посредника между противостоящими политическими силами. И последовательно ее придерживалась, старалась утихомирить священников, не придерживавшихся этой линии. Так было, например, в случае с Попелушко, которого церковные власти по просьбе светских решили отправить на учебу в Грегорианский университет. Нельзя исключить, что его убийство было направлено на торпедирование курса Ярузельского на поиски компромисса с конструктивной оппозицией.

И в этом разделе мы имеем дело с подтасовкой смыслов. Так, просьбу папы римского к Ярузельскому отменить военное положение (опять нарушение хронологии), в которой есть слова «за последние 200 лет» и «в этот исторический момент», диссертант комментирует так: «Акцент на истории, сделанный понтификом, свидетельствовал не только об угрозе противодействия режиму В. Ярузельского со стороны католиков всего мира, которые восторгались Иоанном Павлом II, но и о несогласии с исторической политикой генерала» (с.173). Или слова того же папы римского на встрече с польскими властями в 1983 г.: «процветание Польши лежит в интересах мира и хорошего сотрудничества между народами Европы ... Эта мысль более ста лет должна была прокладывать себе путь через противостоящие нашей независимости империализмы, чтобы, наконец, после окончания Первой мировой войны найти выражение в мирных договорах». Кажется все однозначно. А вот их препарирование диссертантом: «Помимо того, что папа римский обосновывал суверенитет Польши через отсылки к разделам Речи Посполитой «империализмами», под которыми он подразумевал и советскую имперскую политику...» (с.180-181). И подобные «эвристические» проникновения в скрытые смыслы слов и действий объектов его внимания встречаются сплошь и рядом. Столь же неубедительны авторские построения о ситуации с памятью в Польше о Холокосте и Варшавском восстании 1944 г.

Собранный Мартыненко немалый фактический материал в большинстве случаев не подвергся научному анализу, а с его трактовками далеко не всегда можно согласиться в силу их умозрительного характера. Вывод по параграфу предсказуем: католическая церковь влияла на политику памяти польского руководства. То же и с выводом по главе, гладко, но бездоказательно.

Третью главу Мартыненко назвал «Эволюция курса исторической политики ПНР в ходе переговорного процесса с оппозицией в 1987–1989 гг.». Начинается она с параграфа «Историческая политика ПНР в программных установках НСП «Солидарность». Такой титул вызывает вопросы. Во-первых, правомочно ли отождествлять «Солидарность» с ПНР, ведь до 1989 г. она не являлась частью политической системы ПНР. Во-вторых, принятая на конгрессе 1981 г. программа «Солидарности» никакой исторической политики не формулировала, в том числе и потому, что оппозиция в силу ее политической разношерстности не могла прийти к общему пониманию наполнения своей исторической памяти.

В связи с этим автору по-прежнему не остается ничего иного, как обращаться к высказываниям отдельных людей из лагеря «Солидарности», призывам нелегальных структур к обществу, например, не принимать участия в организуемом властями праздновании таких дат, как 1 мая, 22 июля, или наоборот, выходить на демонстрации по случаю очередной годовщины конституции 3 мая 1791 г.

Многие затрагиваемые в работе сюжеты интересны сами по себе, но в силу их временного разброса (как и в других главах, хронологический принцип построения работы не выдерживается) они не позволяют составить целостное представление о том, как менялся набор исторических аргументов в пропагандистской деятельности «Солидарности». Вот пример: вслед за рассказом о программе Солидарности 1981 г. следует сюжет о месте европейской истории XX в. в работе Я. Куроне 1989 г., а потом автор опять возвращается к 1981 г. Какая уж тут трансформация! Скорее набор случайных примеров, связанных друг с другом тем, что в них используются слова «история», «исторический», «века», «Европа», «европейский» и т.д. И каждый из этих не связанных друг с другом сюжетов диссертант пытается встроить в некую историческую политику властей ПНР или «Солидарности». Как и прежде, многие авторские позиции не подкреплены ссылками на источники. Например, о широком праздновании оппозицией в 1980-е гг. дня рождения Пилсудского. Вообще-то в Польше принято праздновать именины, а уж Пилсудского тем более. Традиция отмечать 19 марта именины Пилсудского родилась в его бригаде в 1915 г., а после 1926 г. ей придали характер всенародного торжества. Но самое главное, автор при этом ни на что не ссылается.

И вот из этого хаоса фактов в конце параграфа появляются гладкие выводы, правда, не подкрепленные научным исследованием, достаточным количеством источников, а потому не очень достоверные.

Примерно так же обстоит дело с последним параграфом работы: «Видоизменение коммеморативных практик польского правительства в условиях нарастания общественно-политического кризиса: от переговоров в Магдаленке к «Круглому столу» 1989 г.». В нем затрагиваются такие сюжеты, как работа в 1987 г. комиссии Мацишевского-Смирнова, банкротство судовой им. Ленина, правительство М. Раковского, чеканка монет с изображением Пилсудского номиналом 50 тыс. злотых, введение новых наград, телевизионные дебаты Валенсы с Медовичем, наконец, переговоры круглого стола. Замечательно утверждение диссертанта в связи с последним сюжетом: «Следует заметить, что доминирующие к этому времени исторические нарративы сами способствовали началу мирного диалога между властью и оппозицией. Все артикулируемые в коллективной памяти польского общества темы – Вторая мировая война, разделы Польши, Холокост, Варшавское восстание 1944 г., «послевоенная оккупация» – несли в себе дискурсы, связанные со страданиями» (с. 251). А может все же обе стороны к переговорам принуждали массовые забастовки 1988 г., к организации которых «Солидарность» не имела отношения, перестройка в СССР и др. факторы?

Отсутствие достаточного общеисторического фона во всей работе приводит к сильному искажению перспективы, в результате чего политика памяти в изложении диссертанта превращается чуть ли не в решающий фактор в преодолении польского кризиса 1980-х гг.

Таким образом, М.А. Мартыненко, взяв за основу некоторые общетеоретические наработки, попытался просто наложить их на польскую историю 1991-1989 гг. без какой-либо попытки провести самостоятельное научное исследование и получить некоторые конкретные результаты, способные обогатить наше знание именно коммеморативного аспекта польской истории. Ибо нельзя считать вкладом заключительный вывод диссертанта: «...историческая политика ПНР в 1981–1989 гг. прошла трансформацию от идейно-теоретической и аксиологической выработки курса в условиях государственного кризиса, через видоизменение коммеморативных практик польского правительства под влиянием историографических и религиозных дискурсов, к окончательной утере монополии государства на формирование коллективной памяти польского общества. Режим социалистической Польши в 1980-е гг. может служить примером бесперспективности выстраивания авторитарных структур в исторической политике и попыток мобилизации академического сообщества для решения идеологических задач. Такой строй, как показало настоящее исследование, переживает перманентное ценностное обнищание и ведет к распаду государственности» (с.273).

Диссертация М.А. Мартыненко не вносит ничего существенно нового в общую картину польского кризиса 1980-х гг. Определенный интерес представляют лишь собранные М.А. Мартыненко многочисленные факты. Но этого недостаточно для вывода,

что мы имеем дело с завершенным научным исследованием. Нарративный характер работы очевиден.

Не буду останавливаться на мелких замечаниях типа неправильной даты 40-летия Народной Польши, антисемитизма В. Гомулки (при жене еврейке он в лучшем случае был антисионистом), неправильной нумерации съездов ПИО и др.

Высказанные замечания не позволяют мне дать положительную оценку научно-квалификационной работы М.А. Мартыненко. Она не отвечает всем требованиям к диссертациям на соискание ученой степени кандидата исторических наук, установленных Положением о присуждении ученых степеней (утверждено Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (с последующими дополнениями) автореферат и опубликованные работы полно и адекватно отражают основное содержание диссертации, а ее автор М.А. Мартыненко не заслуживает присуждения искомой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. – всеобщая история (исторические науки).

Профессор кафедры истории южных
и западных славян исторического факультета
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени
М.В.Ломоносова», заведующий кафедрой,
доктор исторических наук доктор
«22» ноября 2024 г.

Матвеев Геннадий Филиппович
119991, Ломоносовский просп., 24, корп. 4
тел. 8-903-116-85-80
e-mail: gformatvee@yandex.ru

Геннадий Филиппович Матвеев
Заведующий кафедрой